

Колле. правда. - 1992. - 7 апр.

И все за одного — Дюма

Полтора столетия мы получаем уникальную гуманитарную помощь

Мы долго, научно и ненаучно, спорили и спорим о том, что интересно сегодня широкому читателю — гармоничная классика или вздыбленная современность, писательское слово трагических наших двадцатых — тридцатых лет или восторженно открываемые материи русского литературного зарубежья.

А пока мы спорили и спорим, общество наше: и очень демократическое, и совсем недемократическое, и национально-объединительное, и национально-разъединенное, и бастующее, и небастующее, и социально защищенное, и социально незащищенное, и имеющее вместо рублей талоны, и имеющее вместо талонов купоны, и даже то, которое их вовсе не имеет, но что-то там постоянно делает с никому не видимой «долларовой массой», вальяжно помешиваемой некими брокерами и самой собакой Алисой, — все наше пестрое, несчастное, разное общество читало и читает... Александра Дюма.

Он объединяет все поколения. Детство находит в его романах яркий сюжет, ослепительный блеск приключений, мгновенные вспышки благородных шпаг, постоянную победу добра, и лишь временное торжество темных сил, сладость неразгаданных тайн, ужас неминуемой гибели и сказочное преображение ее в новую, еще более прекрасную жизнь. Зрелость получает в его книгах пусть недолгую, но передышку, посреди вечных кошмаров бытия, черпает из его страниц особый, только ему присущий жизнедеятельный оптимизм. И действительно: пока мы вот уже семьдесят и семь лет (поистине былинные, символические числа!) все куда-то и во что-то переходим — д'Артаньян с друзьями уже в миллионный раз проскакал из Франции в Англию и обратно, чтобы привезти королеве Анне Австрийской «гуманитарную помощь» от герцога Бекингэмского — бриллиантовые подвески. Старость забывается над романами Дюма, забывает и вспоминает. Забывает общественные невзгоды и немощи собственные, вспоминает детство и молодость, когда еще хотелось дружить, как мушкетеры, мстить, как Монте-Кристо, любить, как виконт де Бражелон, не терять достоинства, как Мария Антуанетта, распухивать хитрые сети Екатерины Медичи, и если уж умирать, то, как д'Артаньян — исполнив все, и лишь рукой не доплавившись до маршальского жезла.

Дюма объединяет все народы, все страны, все национальности. Вот уж где нет и тени расовой вражды, унижения тех или иных верований. Прелестная гречанка Гайде, красавица каталонка Мерседес, отважный француз де Тревиль, роскошный англичанин Бекингэм, отважный нубиец Али, итальянский мудрец Фариа, верная испанка Эстефания, замечательные

голландские цветоводы — не перечислить всего, поистине интернационального, населения в романах Дюма, где действуют и русские люди, что уж вовсе редкость для западных литератур.

Дюма объединяет бедных и богатых. Бедные, читая его романы, все еще надеются отыскать когда-либо сказочные клады острова Монте-Кристо, получить от какого-нибудь Людовика пригоршню луидоров, от какой-нибудь Анны Австрийской — браслеты с бесценными камнями. Богатые гипнотически погружают свои «бизнесменские» руки во все эти несметные сокровища из сундуков Медичи, где так и сыплются, так и звенят, так и зовут — изумруды величиной с орец, бриллианты, которые вставляют в короны и тиары, жемчуга, обвивающие каляны и букеты, прелестные дамские шейки и величественные кресты прелатов. И хочется все больше и больше этих сокровищ тем, у кого они уже есть. А тем, у кого нет ничего, — очаровательна сама мечта о чужой удаче, терпении и отваге.

Дюма объединяет своими мыслями, афоризмами, наблюдением над жизнью, хотя и считается, что Дюма и психологизм — две вещи несовместные.

И первая самая благородная мысль Дюма о том, что дружба, крепкая, верная, преодолевает все препятствия. Дружба д'Артаньяна, Атоса, Арамиса и Портоса, дружба моряка Дантеса и судовладельца Морреля, дружба графа Монте-Кристо и Максимилиана, Эжени Данглара и Луизы д'Армильи, дружба Коконнаса и Ла Моля, многих многих других из прославленных «Грех мушкетеров», «Монте-Кристо», «Королевы Марго», это дружба идеальная, когда не шадят жизни, когда вместе и умирают, положив голову на плечо друга, чтобы до последней минуты он видел глаза не врагов, а друзей.

И когда волею судеб и политических страстей мушкетеры оказываются в разных лагерях, при всей изумительной сюжетной постройке последующих романов, где проходят двадцать, а потом и десять лет спустя, они несравнимы с «Тремя мушкетерами», произведением поистине классическим. Романы эти меркнут, теряют глубину и блеск, потому что Арамис вынужден обманывать д'Артаньяна, потому что Атос чуть было не скрестил шпагу с Портосом. Да и сами мушкетеры понимают свое противостояние как трагедию, трагедию души, трагедию судьбы. Отныне, говорят они, нам больше ничего не будет удаваться, теперь все наши замыслы, все дела обречены.

Как важно услышать нам эти слова д'Артаньяна и его друзей — ничего не будет удаваться людям, позволившим увлечь себя внутренними политическими интригами,

стать игрушкой в руках власти, борющейся за власть. И когда наперекор всему мушкетеры клянутся в объятиях друг друга, давая теперь уже вечную клятву никогда не скрещивать больше оружия, — сердца читателей опять оттаивают. Давайте не забывать об этом ни в детстве, ни в зрелости, ни в старости — все за одного, один за всех, — этот девиз д'Артаньяна, Атоса, Арамиса, Портоса никак не вне психологии, напротив, он идет из самых природных ее глубин.

И вторая, не менее важная мысль Дюма, очень и очень существенная, особенно сегодня. Никакое справедливее из справедливых отмщение не может стать единственной жизненной целью, единственной страстью личности. В таком случае оно убьет и саму личность. Идя до конца с графом Монте-Кристо, в его долгих планах медленного, упорного, восторженного мщения, Дюма все-таки останавливается перед самым этим концом. Нет, человек не Бог. Это Бог может сказать: «Мне отмщение, и аз воздам». А человек, если он человек, возмывается не мстью, но прощением. И граф спасает самого яростного своего гонителя — барона Данглара. В таком финале романа о почти божественно освященной мести — истинно величие писателя-психолога, писателя-гуманиста. Ждать и надеяться — вот каковы последние слова графа, навсегда покидающего Францию: он долго ждал свершения справедливой кары, но, опомнившись и оборвав ее удары, он теперь может надеяться, надеяться на то, что и его простят, если он простил.

Дюма замечателен еще и тем, что он сам, словно историк, творит историю; и пусть он не летописец, не «мифопоисец», пусть его история и не всегда совпадает с истинным ходом событий — мы безоговорочно верим, что Карл IX был все-таки подвержен минутам глубокого раскаяния за Варфоломеевскую ночь, что Людовик XIII ревновал Анну Австрийскую, что Луиза Лавальер была добродетельной простужкой, что Генрих Наваррский не погиб только потому, что ему помогал парфюмер Рене, что... но разве перескажешь все то, что написано за историю и ее людей великий романист?!

И право же, сколько бы мы ни узнавали на путях образования и науки о подлинной жизни разных эпох, одним из главных учителей истории для нас все равно останется Дюма, стоящий подчас выше факта, потому что факт — холоден и безлик, а искусство — волшебно и согрето талантом.

Рядом с именем Александра Дюма даже и странно произносить слово «юбилей». У Дюма всегда юбилей, всегда праздник, праздник счастливого, никогда не прекращающегося чтения.

Инна ВИШНЕВСКАЯ.